

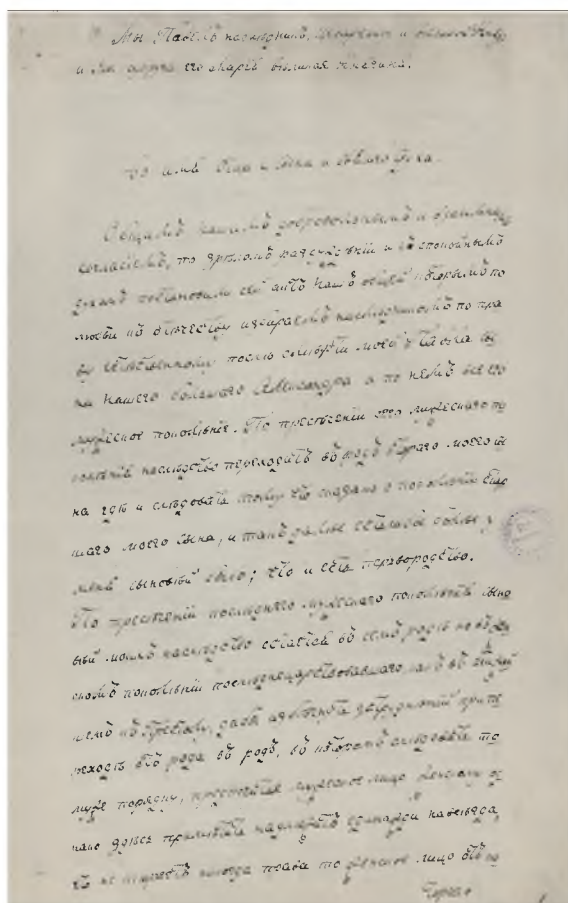
ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ ИЗ УСПЕНСКОГО СОБОРА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Предметом нашего исследования стал уникальный комплекс документов важнейшего государственного значения, связанных с именами четырех российских императоров — Павла I, Александра I, Николая I и Александра II. До 1880 г. эти документы находились в драгоценном ларце (или, как его называли в XIX в., ковчеге) в алтаре Успенского собора Московского Кремля. Сегодня они хранятся в фондах Государственного архива Российской Федерации. Судьба этого исторически сложившегося, но по воле судьбы разрозненного комплекса до сих пор не привлекала внимание исследователей. И хотя сведения о нем неизменно находили отражение в дореволюционных изданиях — описаниях святынь и достопамятностей Успенского собора¹, — а в наши дни многие из документов неоднократно экспонировались на выставках и опубликованы², эти памятники не осмысливались как единый комплекс и в целом не были изучены.

Традиция хранения юридических актов важнейшего государственного значения под сводами величайшей святыни Русской земли — Успенского собора Московского Кремля, бывшего во все времена главным духовным центром страны, — восходит к Средневековью. Так, в алтаре собора находилась Утвержденная грамота Земского собора об избрании на престол царя Михаила Федоровича Романова 1613 г. Этот исключительной ценности документ, вероятно, был помещен сюда по инициативе патриарха Филарета. Грамота заботливо хранилась «в ящике, а ящик поволочен бархатом червчегым, наугольники и застежки серебряные, за печатью»³.

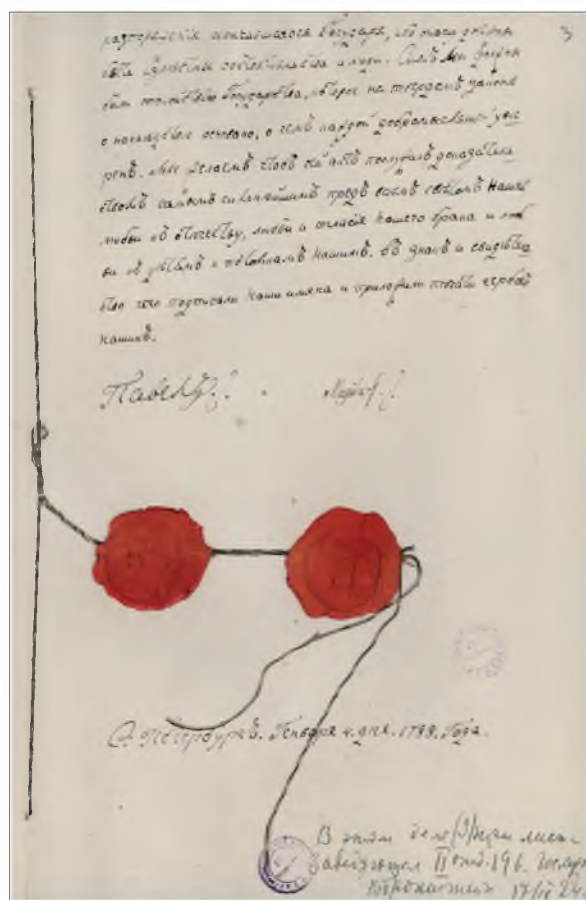
Эта традиция продолжилась и в имперский период истории России. В 1778 г. генерал-аншеф вице-президент Военной коллегии князь Г.А. Потемкин прислал в дар Успенскому собору драгоценную дарохранительницу в виде Синайской горы с пророком Моисеем, принимающим скрижали Завета⁴. В ее золотом постаменте, обитом внутри атласом, в мешочке из золотого глазета с золотными кистями на шнурах, была положена составленная лично императрицей Екатериной II рукопись «Учреждения для управления губерний», в соответствии с которым в 1775—1785 гг. была проведена кардинальная реформа административно-территориального деления Российской империи. Дарохранительницу, как и полагалось, поместили на главном престоле собора.

Начало рассматриваемому нами комплексу положил император Павел I во время своей коронации, состоявшейся в Москве 5 апреля 1797 г. В этот день он утвердил и обнародовал ряд беспрецедентных в истории Российского государства законодательных актов — Акт о престолонаследии, Учреждение об императорской фамилии⁵ и Установление для орденов кавалерских российских⁶. Главный из них — Акт о престолонаследии⁷ (ил. 1, 2) — был разработан и подготовлен цесаревичем Павлом Петровичем еще в январе 1788 г., накануне его

1. Акт о престолонаследии. Санкт-Петербург, 4 января 1788 г. Л. 1. Государственный архив Российской Федерации, Москва

отъезда на войну со Швецией, и оставлен им вместе с рядом других бумаг супруге — великой княгине Марии Федоровне. Ожидая со дня на день объявления о войне и последующего отправления в действующую армию, цесаревич озаботился составлением завещаний на случай своей кончины. Несмотря на спешное написание этих документов, основательность, с которой они составлены, позволяет предположить, что их содержание было продумано задолго до этого дня, и отъезд на поле боя лишь послужил удобным поводом к составлению бумаг. Павел Петрович оставил три письма к жене и письмо к детям, великим князьям Александру и Константину. Считается, что одновременно им был написан и Наказ о порядке управления империей, хотя дата создания на нем не поставлена⁸. Основная мысль всех документов — предписание жене и

2. Акт о престолонаследии. Л. 3

детям соблюдать фамильную иерархию и неукоснительно следовать положениям Акта о престолонаследии. В течение всего своего царствования Екатерина II, как известно, оставляла сына в стороне от государственного управления. Великий князь не без основания опасался, что императрица, уже совершившая однажды государственный переворот, отстранит его и его потомков от престола и потому стремился, как мог, узаконить свои права и навсегда положить конец дворцовым переворотам. В созданном Павлом Петровичем акте были установлены четкие и ясные правила передачи власти в России. Документ отменял указ Петра I 1722 г., оставлявший выбор преемника на усмотрение царствующего монарха, и устанавливал порядок наследования престола по праву мужского первородства, «дабы государство не было без наследника. Дабы наследник был назначен всегда законом самим. Дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать. Дабы сохранить право родов в наследствии, не нарушая права

3. Ларец для хранения Акта о престолонаследии. Санкт-Петербург, 1797.
Мастерская И.В. Буха. Государственный архив Российской Федерации, Москва

естественного, и избежать затруднений при переходе из рода в род». Таким образом, в России была утверждена система наследования, при которой женщины могли быть допущены к управлению государством лишь при отсутствии потомков мужского пола. Наследником престола, согласно закону и «по праву естественному», Павел Петрович объявлял «сына нашего большего Александра». После него наследовать должно было и «все его мужеское поколение», в случае пресечения которого престол должен был перейти ко второму сыну Павла и в его род, «где и следовать тому, что сказано о поколении старшего моего сына, и так далее если бы более у меня сыновей было; что и есть первородство»⁹.

Акт составлен в необычной для России форме семейного договора. Документ, полностью написанный рукой великого князя Павла Петровича, заверен его подписью и подписью великой княгини Марии Федоровны и скреплен их личными печатями (оттиски на красном сургуче). Он состоит из четырех сшитых нитяным шнуром листов (текст присутствует на трех из них, четвертый лист пустой). Силу закона этот документ приобрел лишь при вступлении Павла Петровича на престол, когда из акта фамильного он превратился в государственный и стал основным законом Российской империи, в незыблемости просуществовавшим вплоть до 1917 г.

По окончании церемонии коронации в Успенском соборе Московского Кремля Павел I во всеуслышание огласил Акт о престолонаследии, затем сам ему присягнул. После этого, сойдя с трона, император вошел через царские врата в алтарь и положил документ «в нарочно устроенный серебряный ковчег для хранения его во все будущие времена в том соборе на престоле»¹⁰ (ил. 3). Это событие, не предусмотренное в четко разработанном и строго регламентированном чине коронации, стало неожиданностью для всех присутствовавших. Непредвиденное действие императора привело к уникальному в истории России случаю создания двух чинов одной и той же коронации: «Чина действия, каким образом быть имеет коронование Павла I», — своеобразного и в целом

4. Бархатный футляр для ларца. Санкт-Петербург, 1797. Мастерская И.В. Буха. Государственный архив Российской Федерации, Москва

обычного сценария, подготовленного ко дню коронации, и «Чина действия, каким образом совершилось коронование Павла I», составленного и опубликованного уже после коронационных торжеств¹¹. В последнем приводится полный текст Акта о престолонаследии и подробное описание его оглашения императором и последующих его действий. Публичное оглашение Акта в день коронации, проходившей при большом стечении приглашенных, в числе которых были как первые лица Российской империи, так и представители иностранных держав, безусловно, было хорошо продуманным жестом со стороны Павла I. Глубоко символичным и освященным традицией стало место, назначенное для документа, — престол Успенского собора Московского Кремля. Таким образом, Акт о престолонаследии, хранимый под сенью главного храма православной России, получал с этого момента также статус государственной святыни.

Ларец для подлинного Акта о престолонаследии был создан мастером-серебряником, норвежцем из Дании Иваром Венфельдом Бухом (1749–1811). Занимавшийся с 1785 г. должность придворного зильбердинера, И.В. Бух выполнил для императорского двора большое количество заказов¹², о чем говорит его упоминание в документах как фабриканта. Мастер, начавший работать при императрице Екатерине II, как это ни странно, сохранил свое положение и во времена Павла I.

Вероятно, ларец для Акта о престолонаследии был в числе первых заказов Павла I И.В. Буху. Из документов следует, что над его созданием мастер работал в спешке, поскольку неоднократно получал напоминания о «скорейшей его отделке»¹³. Ларец был закончен к 1 апреля 1797 г., уложен в специально сделанный для сохранности ящик, обшит клеенкой и опечатан личной печатью мастера (ил. 4). Затем, с большими предосторожностями, сопровождаемый двумя надежными

5. Герб Российской империи. Деталь ларца для хранения Акта о престолонаследии

6. Клеймо мастера на ларце для хранения Акта о престолонаследии

7. Ключ от ларца для хранения Акта о престолонаследии

курьерами Сенатского батальона, он был переправлен из Петербурга в Москву¹⁴. За материал и работу И.В. Бух представил счет на 669 рублей 20 копеек¹⁵. В него была включена стоимость материала — 7 фунтов 59 центов (немногим более 3 кг) серебра 84 пробы по 30 рублей за фунт, — стоимость работы, а также футляра и ящичка.

Видимо, император остался доволен результатом. Впоследствии И.В. Бух продолжал получать от него крупные заказы. В числе прочего мастер создавал серебряную мебель и осветительные приборы для интерьеров Михайловского замка. Последний заказ И.В. Бух получил 27 февраля 1801 г., незадолго до кончины Павла I. Ему было отпущено сорок пудов колыванского серебра для «делания в тронную его величества Михайловского замка комнату разных вещей»¹⁶.

Ларец прямоугольной формы выполнен из серебра, его верхняя откидная крышка отполирована и украшена по краю сканым орнаментом, состоящим из непрерывно выходящих побегов с двенадцатипестковыми розетками по углам; в центре помещен накладной герб Российской империи с монограммой Павла I на щитке (ил. 5). На дне имеется именное клеймо мастера (ил. 6). Внутри ларец оклеен голубым муаром. Размеры ларца (22,5×35×5 сантиметров) и его внутреннего пространства строго определены размерами Акта о престолонаследии (31,5×20 сантиметров) — документа, для хранения которого он был предназначен. До наших дней дошел миниатюрный ключ, которым ларец закрывается (ил. 7), а также оригинальный обитый голубым бархатом сверху и белым атласом изнутри деревянный футляр, в котором ларец хранится по сей день. До недавнего времени в учетных документах Государственного архива Российской

8. Футляр и тумба для дарохранительницы.
Москва, 1812–1818. Музеи Московского Кремля

Федерации он значился как «серебряный ларец», без точной датировки, имени мастера, происхождения и иных уточнений¹⁷. Новая атрибуция ларца позволила не только определить его принадлежность, но также ввести в научный оборот еще одно произведение талантливого придворного ювелира И. В. Буха и расширить круг работ мастера, среди которых известно совсем немного произведений малых форм.

Вскоре по окончании коронационных празднеств Правительствующий Сенат издал указ, предписывающий «высочайший акт обнародовать, и для этого разослать печатные его экземпляры во все губерния правления, и для сведения и в другие присутственные места». По ведомству правительствующего Синода также последовал указ, согласно которому печатные экземпляры акта надлежало разослать «в Санкт-Петербургскую его контору, во все епархии к преосвященным архиереям, также в ставропигиальные лавры и монастыри, в московский Успенский собор и в типографскую контору». При этом отдельно следовало предписание

протоиерею и клиру Успенского собора, «чтобы подлинный акт, высочайше его императорским величеством и ея императорским величеством утвержденный и положенный для хранения на святом престоле, яко священнейший залог любви их императорских величеств к Отечеству, сохраняем был с должным благоговением во всякой целости»¹⁸.

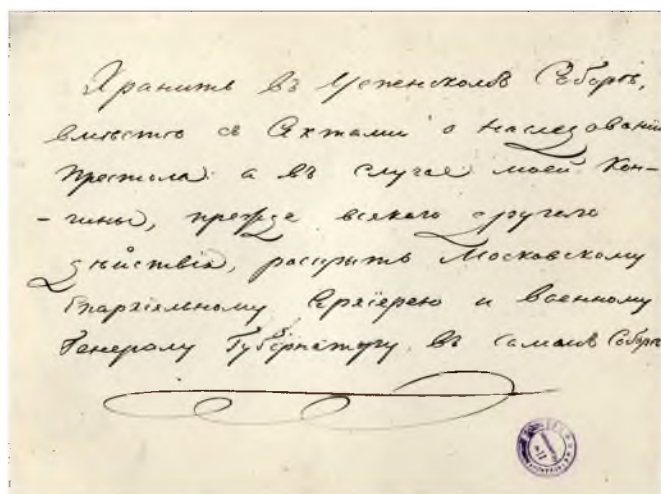
Вероятно, после окончания войны 1812 г. и возвращения из эвакуации спасенных святынь Успенского собора, «потемкинская» дарохранительница с «рукописанием» Екатерины II и серебряный ларец с актом вернулись на престол ненадолго. Для дарохранительницы с целью «сохранения оной от пыли» вскоре был изготовлен восьмигранный медный позолоченный со стеклами футляр (ил. 8). Он указан в Описи имущества собора 1815–1818 гг.¹⁹, что позволяет нам определить примерное время его создания — не позднее 1818 г. Одна из граней основания футляра является выдвижным запирающимся на ключ ящичком, который был предназначен для серебряного ларца с Актом о престолонаследии.

Хранение подобной сложной конструкции на святом престоле было неудобным и небезопасным, и ее решено было перенести за престол, поставив на деревянный золоченый стол с мраморной столешницей. А в 1851 г. «по мысли и желанию» митрополита Филарета деревянный стол был заменен на бронзо-

вый, выполненный по проекту архитектора М.Д. Быковского, одобренному архиереем. За выполнение заказа взялся московский мещанин Капитон Леонтьев Марков, обязавшийся устроить стол «из всех своих материалов». «Колонны одного стола, арки и херувимы обязуюсь сделать все отливные, а верх и низ из толстой не тонче осьмушки вершка, латуни, и все это отделать под золотой окрас, работу сию кончить и представить в лучшей отделке к 20-му августа, а получить мне за оную триста рублей серебром» — такие обязательства принимал на себя исполнитель²⁰.

На протяжении XIX в. ларец пополнялся различными государственными актами первостепенного значения. При императоре Александре I сюда был положен манифест от 20 марта 1820 г. о запрете заключения неравнородных браков для членов императорской фамилии²¹. Этот документ, ставший откликом на расторжение брака цесаревича Константина Павловича с великой княгиней Анной Федоровной и его последующую женитьбу на польской дворянке Жаннете Грудзинской, дополнил нормы Акта о престолонаследии требованием равнородности браков членов императорской фамилии как необходимого условия наследования престола.

Здесь же хранились документы о наследовании трона после смерти Александра I. В январе 1822 г. великий князь Константин Павлович написал императору письмо, в котором объявил свое намерение отказаться от престола. Летом 1823 г. государь поручил архиепископу московскому Филарету составить проект высочайшего Манифеста о назначении наследником великого князя Николая Павловича²². Оригинал, написанный рукой министра народного просвещения и доверенного лица Александра I князя А.Н. Голицына, был подписан императором 16 августа 1823 г.²³ В тот же день также князем А.Н. Голицыным были сделаны три копии, каждая из которых по указанию императора имела силу подлинника. В запечатанных конвертах документы были переданы в три инстанции. В Сенат был отправлен оригинал вместе со списком письма Константина Павловича. В Государственный совет и в Синод были посланы списки с Манифеста и письма Константина Павловича. Четвертый экземпляр Манифеста вместе с подлинным письмом Константина Павловича Александр I назначил к хранению в Успенском соборе Московского Кремля²⁴. Документы были вложены в запечатанный конверт с собственноручной надписью императора, повелевающей в случае смерти государя вскрыть его «прежде всякого другого действия»²⁵ (ил. 9). Архиепископу Филарету было поручено отвезти конверт в Москву и в строжайшей тайне вложить в ларец с государственными бумагами. Двадцать девятого августа 1823 г. поручение было исполнено. По окончании литургии в Успенском соборе архиепископ Филарет в сопровождении протопресвитера и сакеллария собора, а также прокурора Синодальной канцелярии вошел в алтарь, открыл ковчег, показал присутствующим принесенный конверт (скрыв при этом подпись императора), положил конверт в ковчег и опечатал его. После этого архиепископ объявил присутствующим высочайшую волю, «чтобы о сем никому открываемо не было»²⁶.

9. Конверт, в котором хранились документы о передаче прав на российский престол великому князю Николаю Павловичу. Россия, 1823. Государственный архив Российской Федерации, Москва

Вскоре Филарету суждено было исполнить тайное повеление Александра I. Восемнадцатого декабря 1825 г. при большом стечении народа в Успенском соборе Московского Кремля архиепископ в полном облачении, сопровождаемый духовенством, вышел из алтаря, неся над головой серебряный ковчег. Он остановился на амвоне напротив царских врат, поставил ковчег на приготовленный аналой, покрытый золотым глазетом, открыл его и достал конверт, показав присутствующим, что печать цела. После чего Филарет произнес торжественную проникновенную речь, начав ее словами: «Внимайте, россияне! Третий год как в сем святом и освящающем царей храме в сем ковчеге, который вы видите, хранится великая воля благословенного Александра, назначенная быть его последнею волей. Ему благоугодно было закрыть ее покровом тайны, и хранители не смели прежде времени коснуться сего покрова»²⁷. По окончании речи архиепископ распечатал конверт, прочел отречение великого князя Константина Павловича и Манифест, а перед началом чтения присяги, осеняя всех крестным знамением, громогласно произнес: «Разрешаю и благословляю». Речь архипастыря произвела большое впечатление на присутствовавших в храме и на народ, собравшийся на Соборной площади²⁸. Все закончилось молебном с многолетием и колокольным звоном во всех церквях Москвы. Николай I лично в письме выразил благодарность Филарету за «открытие хранившегося в Успенском соборе акта в Бозе почившего императора», при котором были явлены «новые доводы ревности и приверженности к Отечеству», и всемилостивейше пожаловал ему бриллиантовый крест для ношения на клобуке²⁹. Впоследствии Филарет принял участие в коронации Николая I, после чего был возведен в сан митрополита Московского.

В 1834 г. император Николай I положил в ларец специально разработанную форму присяги наследника престола, заявив о ней как об официальном государственном акте. На документе поставлена резолюция императора: «Быть по сему»³⁰. В 1851 г. сюда же была вложена высочайше утвержденная форма присяги для великих князей³¹.

Александр II добавил в ларец Манифест «о регентстве и опеке» от 21 мая 1855 г., официально провозглашавший великого князя Константина Николаевича правителем государства в случае кончины императора до совершеннолетия наследника³².

Иногда документы, некогда вложенные в ларец, но впоследствии потерявшие силу закона, изымались из него и возвращались в Кабинет его императорского величества в Петербург. Так, например, случилось с указом Николая I 1826 г. о назначении великого князя Михаила Павловича правителем государства в случае вступления на престол цесаревича Александра Николаевича прежде достижения совершеннолетия, который был изъят из ларца в 1857 г.³³

Предписание Синода 1797 г. о сохранении Акта о престолонаследии «во всякой целости» неукоснительно соблюдалось причтом Успенского собора. Серебряный ларец неизменно был закрыт на ключ, опечатанный лично митрополитом Московским, перевязан шнуром, к которому приложена была печать Московской синодальной канцелярии, затем был вложен в бархатный футляр, опечатанный печатями Успенского собора и именной протопресвитера (на ларце до сих пор сохранились следы сургуча). Ларец вместе с ключом помещался в выдвижной ящик футляра от дарохранительницы, расположенной в главном алтаре собора за престолом. Ключ от ящика хранился у сакеллариев собора³⁴. Все это обеспечивало ценным государственным актам полнейшую сохранность и безопасность.

Документы были вписаны в соборную документацию — они нашли отражение во всех описях имущества собора XIX в. как памятники «книгохранилища и письменности»³⁵ или как «государственные акты и разные грамоты»³⁶. К середине столетия в алтаре собора хранили восемь документов (один в дарохранительнице и семь в ларце). Доступ к ним был ограничен, а для случайных людей практически невозможен. Вскрытие ларца и изъятие документов всегда проходило коллегиально.

Так, например, ларец был вскрыт 28 мая 1857 г., по окончании вечернего богослужения в соборе в присутствии митрополита Московского Филарета, протопресвитера Успенского собора Д.П. Новского и прокурора московской Синодальной канцелярии А.А. Лопухина. Документы были освидетельствованы, в ковчег были вложены Манифест о регентстве и опеке 1855 г., форма присяги для членов императорского дома, а затем изъят акт 1826 г. и «оригинальная собственноручная рукопись государыни императрицы Екатерины, содержащая в себе учреждение о губерниях» хранившаяся в подножии дарохранительницы, о которых было сказано выше. Последняя, согласно высочайшему повелению, была передана митрополиту Филарету для препровождения в Государственный архив³⁷.

Изъятие рукописи Екатерины II и последующая передача ее в архив вполне закономерны. Госархив возник в 1801 г. в качестве специального хранилища в Архиве Коллегии иностранных дел в Петербурге, где начался сбор материалов особой политической и государственной важности, специально выделявшихся из личных императорских канцелярий, государственных и личных архивов. В 1834 г. хранилище получило наименование Петербургского государственного архива Министерства иностранных дел. Государственный архив Министерства иностранных дел, где сосредотачивались в том числе «бумаги до императорской фамилии касающиеся, также акты и дела государственные, из которых многие подлежат тайне», при Александре II начал активно комплектоваться. За время его царствования архив принял на хранение большой комплекс документов Мальтийского ордена³⁸, некоторые духовные завещания членов императорской семьи из «бронзового ковчега» императора Николая I³⁹, а затем, в 1880 г., и важнейший правовой документ императорской фамилии — Акт о престолонаследии.

Этому предшествовало донесение протопресвитера Успенского собора Дмитрия Петровича Новского, представленное в мае 1879 г. в Московскую кантору Святейшего Синода с просьбой провести освидетельствование государственных актов, хранившихся в серебряном ковчеге в алтаре собора, и проверить их сохранность. В своем письме уже немолодой священник рассказывал, что он остался единственным очевидцем последнего освидетельствования, проведенного митрополитом Филаретом в 1857 г., и просил провести новую проверку в самое ближайшее время⁴⁰. Около года длилась бюрократическая переписка. За это время Д.П. Новский умер, так и не дождавшись какого-либо решения. Однако его предложение со временем получило неожиданное развитие. Шестнадцатого июня 1880 г. последовал Указ императора Александра II митрополиту Московскому Макарию о передаче из кремлевского Успенского собора в Государственный архив семи актов 1797, 1820, 1822, 1823, 1834, 1851 и 1855 гг.⁴¹ В присутствии сакеллариев собора протоиерея Петра Виноградова и пресвитера Павла Рослякова прокурор Московской синодальной канторы А.Н. Потемкин изъясил ковчег с документами из алтаря собора для последующей отправки в Государственный архив. Все печати оказались целыми, а в бархатном футляре обнаружилось две бумаги, составленные и подписанные протоприсвитером Д.П. Новским: опись и копия с акта о выемке некоторых документов и вклада новых в 1857 г. По проверке наличия, документы были возвращены в ковчег и закрыты на ключ. Ковчег поместили в бархатный футляр, обвязали шнуром с приложением двух печатей — Московской синодальной канторы и ее прокурора⁴². Затем футляр обшили холстом и передали на Московский почтамт с расчетом, что ценная посылка будет переправлена в Петербург лично чиновником почтамта. Далее путешествие ларца приняло курьезный оборот. Помощник почтдиректора пояснил, что таковые чиновники-курьеры не состоят в ведомстве Московского почтамта, и, согласно почтовым правилам, ящик с ларцом «имеет быть сдан вместе с другими посылками в

почтовый вагон железной дороги». «По поводу этих объяснений, — докладывал прокурор Московской конторы Святейшего Синода, — вышеупомянутый ящик сдан 17-го числа сего июня в Московский почтамт страховым порядком — ценною посылкою в 300 рублей». Так серебряный ларец императора Павла с ценнейшими государственными документами, более восьмидесяти лет хранившийся как священная реликвия в Успенском соборе, был отправлен в Петербург. И наконец 2 июля 1880 г. товарищ министра иностранных дел Н.К. Гирс сообщил митрополиту Московскому Макарию о том, что ларец с документами благополучно прибыл в Государственный санкт-петербургский главный архив Министерства иностранных дел⁴³.

Дарохранительница еще долго продолжала находиться в алтаре Успенского собора — вплоть до первых лет советской власти. Она фигурирует в Описи имущества собора, составленной в 1918 г. в ходе работы Комиссии по приему и оценке имущества соборов и монастырей Московского Кремля, где указан вес драгоценных металлов, из которых она состоит: золота (18 фунтов), серебра (14 фунтов 24 золотника) и небольшого количества платины. Оценка по описи составляла 5 860 рублей 8 копеек⁴⁴. Но уже вскоре, после издания 23 февраля 1922 г. декрета Всероссийского центрального исполнительного комитета «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», вышедшего в дополнение к декрету об изъятии музейного имущества, «потемкинская» дарохранительница была передана в Гохран⁴⁵. Тогда отстоять ее, к сожалению, не удалось, и ее дальнейшая судьба неизвестна. От всего ценнейшего комплекса в Московском Кремле в настоящее время сохранились опустевший бронзовый футляр и тумба. Потерявшие свое истинное историческое назначение, они все же неизменно находятся в алтаре Успенского собора⁴⁶.

В советские десятилетия комплекс «документов из ларца» был передан из Петербурга в Москву, где впоследствии оказался разрознен. Документы распределили по различным архивным фондам, ныне входящим в состав Государственного архива Российской Федерации, а о ларце и вовсе забыли. Попытка проследить историю комплекса была предпринята в ходе подготовки выставочного проекта «Венчания на царство и коронации в Московском Кремле»⁴⁷, когда была проведена большая исследовательская работа по выяснению местонахождения документов, некогда сосредоточенных в серебряном ларце Павла I в Успенском соборе Московского Кремля.

Созданный в Александровскую эпоху Манифест о неравнородных браках, а также письмо с отречением от престола великого князя Константина Павловича и экземпляр Манифеста о передаче прав на престол великому князю Николаю Павловичу в конверте с надписью, сделанной собственноручно Александром I, были обнаружены в фонде Александра I (ф. 679). В фондах императоров Николая I (ф. 672) и Александра II (ф. 678) были выявлены остальные материалы. Вскоре удалось выяснить, что ларец, числившийся в архиве «безымянным», и есть тот самый, созданный в 1797 г. к коронации императора Павла, в котором почти столетие хранились важней-

шие государственные акты. Так были найдены все документы, кроме главного — Акта о престолонаследии. Его текст, помимо различных рукописных копий, был многократно опубликован — и отдельными типографскими оттисками вскоре после обнародования, и в составе Полного собрания законов Российской империи. Затем он часто цитировался и приводился в научных исследованиях, сборниках документов, а в наши дни стал доступен и в электронном виде. Однако никто из исследователей не озадачивался вопросом: а где же находится оригинал Акта? Личного фонда императора Павла I в Государственном архиве Российской Федерации не существует, однако наличие всех остальных бумаг «ларцового» комплекса подсказывало, что искать нужно именно там. Просматривая все возможные архивные описи и цепляясь только за одно упоминание имени Павла I, в фонде № 1463 «Коллекция отдельных документов личного происхождения» мы обратили внимание на дело с заголовком «Завещание цесаревича Павла Петровича и цесаревны Марии Федоровны, составленное в связи с отъездом наследника на войну со Швецией». Именно в этом деле и оказался знаменитый подлинник Акта о престолонаследии.

Так стало возможным объединить «документы из ларца» хотя и в виртуальный, но исторически единый комплекс. Мы смогли уточнить историю создания и бытования документов, атрибутировать ларец и, пожалуй, самое главное, представить историческому сообществу подлинник Акта о престолонаследии — важнейшего правового документа династии Романовых.

¹ См., например: *Снегирев И.М.* Успенский собор в Москве. М., 1856. С. 26; Большой Московский Успенский собор. Храм венчания на царство государей российских. М., 1883. С. 9–10; *Дорофеев В.* Большой Успенский собор в Москве. М., 1904. С. 41–42; *Марков В.* Из Московской церковной старины. На память о Московском Большом Успенском соборе. М., 1905. Вып. 1. С. 24–25.

² Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...»: Каталог выставки. СПб., 2005. С. 96, 340; Государственный совет России. 1801–2001: Каталог выставки в Выставочном зале федеральных архивов / Сост. Д.Н. Шилов, И.Н. Шувалова, А.А. Литвин. М., 2002. С. 8, 21.

³ Описи Московского Успенского собора, от начала XVII века по 1701 год включительно // РИБ. СПб., 1876. Т. 3. Стб. 460; *Снегирев И.М.* Успенский собор в Москве. С. 26.

⁴ *Марков В.* Из Московской церковной старины. На память о Московском Большом Успенском соборе. С. 19–21.

⁵ Музеи Московского Кремля, инв. № КН–226; ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 24. С. 524–569, № 17906.

⁶ Музеи Московского Кремля, инв. № ОМ–1325/1–4; ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 24. С. 569–587, № 17908.

⁷ ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 50. Л. 1–4; ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 24. С. 587–589, № 17910.

⁸ Эти документы известны по первой публикации: *Семевский М.И.* Материалы к русской истории XVIII века (1788 г.) // Вестник Европы. 1867. Т. I. С. 297–330. Однако историк публиковал их по копиям, сделанным князем А.Б. Куракиным после смерти императора Павла I в 1801 г. Они составляли том в красном сафьяновом переплете с надписью на корешке: «К вечному хранению». Сейчас этот том хранится в ГАРФ (Ф. 728. Оп. 1. Д. 330). Автографы Павла Петровича хранятся в РГАДА (письма к супруге: Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–4 об., Д. 51. Л. 1–2, Д. 53. Л. 7–8 об.; письмо к детям: Там же. Д. 51. Л. 3–4 об.; наказ: Там же. Д. 73. Л. 20–24).

⁹ ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 50. Л. 1; ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 24. С. 588, № 17910.

¹⁰ Чин действия, каким образом совершилось коронование Павла I (5 апреля 1797 г.) М., [1797]. С. 15 об.—19.

¹¹ Чин действия, каким образом быть имеет коронование Павла I (5 апреля 1797 г.) М., [1797]; Чин действия, каким образом совершилось коронование Павла I (5 апреля 1797 г.) М., [1797].

¹² Об И.В. Бухе см., например: *Гольдберг Т.Г., Мишуков Ф.Я., Платонова Н.Г., Постникова-Лосева М.М.* Русское золотое и серебряное дело XV–XIX веков. М., 1967. С. 205–206; *Терехова А.М.* Новые данные о произведениях петербургского серебряника Ивара Буха. Материалы и исследования / Государственные музеи Московского Кремля. М., 1976. Вып. 2. С. 127–131; *Допато М.Н.* Ювелиры старого Петербурга. СПб., 2006. С. 75.

¹³ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 670. Л. 2.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Д. 76. Л. 52.

¹⁶ РГИА. Ф. 1374. Оп. 4. Д. 196. Л. 1; Михайловский замок. Страницы биографии памятника в документах и литературе / Сост., авт. вступ. ст. и коммент.: Н.Ю. Бахарева, Е.Я. Кальницкая, В.В. Пучков и др. М., 2003. С. 31, 43, 77.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 1831. Оп. 1. Д. 1.

¹⁸ Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1868–1916. Цит. по: *Гусева А.А.* Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга. М., 2010. С. 1104, № 87.

¹⁹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 4. Оп. 1. Д. 91. Л. 107.

²⁰ Там же. Д. 47. Л. 71.

²¹ ГАРФ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 66. Л. 1–2.

²² Там же. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1144. Л. 14–16 об.

²³ РГИА. Ф. 1329. Оп. 6. Д. 22. Л. 1–2 об.

²⁴ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1144. Л. 2 об.

²⁵ Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 67. Л. 1, 2; Д. 68. Л. 1–2 об.

²⁶ Воспоминания, относящиеся к восшествию на престол государя императора Николая Павловича // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. Т. 137. С. 30.

²⁷ Там же. С. 35.

²⁸ *Комаровский Е.Ф.* Записки // Державный сфинкс. М., 1999. С. 150.

²⁹ Воспоминания, относящиеся к восшествию на престол государя императора Николая Павловича. С. 28.

³⁰ ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–3.

³¹ Там же. Д. 20. Л. 1–2.

³² Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 964. Л. 1–2.

³³ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 4. Оп. 1. Д. 53. Л. 77–77 об.

³⁴ Там же. Л. 45.

³⁵ Там же. Д. 101 а.

³⁶ Там же. Д. 101. Л. 46 об.

³⁷ Там же. Д. 53. Л. 77 об.

³⁸ РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 236. Л. 12–12 об.

³⁹ РГИА. Ф. 938. Оп. 1. Д. 469.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 41. Д. 54. Л. 1–4.

⁴¹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 4. Д. 376. Л. 43.

⁴² Там же.

⁴³ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 41. Д. 54. Л. 73–81.

⁴⁴ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1918 г. Д. 31. Л. 30.

⁴⁵ Там же. Оп. 1922 г. Д. 24. Л. 9–12, 48.

⁴⁶ Музеи Московского Кремля, инв. № МР–3452/1–2.

⁴⁷ Венчания на царство и коронации в Московском Кремле: Каталог выставки / Сост. С.А. Амелёхина, И.А. Бобровницкая, Е.А. Моршакова. М., 2013. Ч. 2. С. 93–98, № 96; С. 204, № 203; С. 212–215, № 213–215.